

УДК 331.556.4

DOI 10.26118/2782-4586.2026.92.88.048

Сурина Елена Алексеевна

Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева

Виртуальная миграция: трансформация глобальной трудовой мобильности в цифровую эпоху

Аннотация. На фоне глобального дефицита рабочих мест и трансформации моделей занятости (МОТ, 2024) актуализируется концепция виртуальной миграции – трудовой мобильности без физической релокации. Статья систематизирует теоретические подходы к данному явлению и выявляет факторы трансформации мирового рынка труда в цифровую эпоху. Методология исследования базируется на критическом анализе литературы и построении интегративной трёхуровневой модели (микро-, мезо- и макроуровни). Предложена авторская дефиниция феномена как осознанной и устойчивой трансграничной интеграции через цифровые платформы. В работе выделены технологические и институциональные драйверы мобильности, а также проанализированы каскадные эффекты, включая изменение международного разделения труда и возникновение «парадокса присутствия». Теоретическая значимость заключается в синтезе миграционных исследований с концепциями платформенной экономики. Практические выводы обосновывают необходимость гармонизации международного регулирования и защиты прав виртуальных мигрантов.

Ключевые слова: виртуальная миграция, цифровая трудовая мобильность, удаленная работа, цифровые трудовые платформы, глобальный рынок труда, платформенная экономика, геоарбитраж, дефицит рабочих мест, трансграничная занятость, платформенный суверенитет, прекариатизация.

Surina Elena Alekseevna

Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev

Virtual Migration: Transforming Global Labor Mobility in the Digital Age

Abstract. Against the backdrop of global labor shortages and transforming employment models (ILO, 2024), the concept of virtual migration – labor mobility without physical relocation – is becoming increasingly relevant. The article systematizes theoretical approaches to this phenomenon and identifies key factors driving the transformation of the global labor market in the digital age. The research methodology is based on a critical literature review and the construction of an integrative three-level model (micro, meso, and macro levels). The author proposes a definition of the phenomenon as a conscious and sustained process of cross-border integration facilitated by digital platforms. The study highlights technological and institutional drivers of mobility and analyzes cascading effects, including shifts in the international division of labor and the emergence of the "presence paradox." The theoretical significance lies in the synthesis of migration studies with platform economy frameworks. Practical implications justify the need for harmonizing international regulations and protecting the rights of virtual migrants.

Keywords: virtual migration, digital labor mobility, remote work, digital labor platforms, global labor market, platform economy, geo-arbitrage, jobs gap, cross-border employment, platform sovereignty, precariatization.

Введение

Глобальная трудовая мобильность переживает фундаментальные изменения, выходящие за пределы традиционных миграционных моделей. Согласно отчету

Международной организации труда (МОТ) за 2024 год, несмотря на снижение глобального уровня безработицы до 5,1% в 2023 году, рынок труда характеризуется растущей хрупкостью и дисбалансами. Сохраняется значительный «дефицит рабочих мест» (jobs gap), составляющий почти 435 миллионов человек, а в большинстве стран G20 зафиксировано снижение реальной заработной платы, которая не успевает за инфляцией. В ответ на кадровый голод и структурные проблемы работодатели все чаще обращаются к телеработе как инструменту расширения пула кандидатов и вовлечения немобильных работников. Эта трансформация создает условия для институционализации качественно нового феномена – виртуальной миграции, при которой трудовая мобильность осуществляется без физического перемещения через государственные границы.

Виртуальная миграция как феномен цифрового присутствия без физической релокации требует глубокого теоретического осмысления. Классические миграционные теории, базирующиеся на постулате о необходимости физического перемещения работника, не способны полностью объяснить механизмы трансграничной трудовой интеграции в виртуальном пространстве. Концепция жидкой современности З. Баумана описывает размывание пространственных и социальных якорей трудовой деятельности [2], однако не предоставляет специфического инструментария для анализа цифровой мобильности как самостоятельного явления.

Современные исследования платформенной экономики демонстрируют формирование новой архитектуры глобального распределения труда. Цифровые платформы выступают ключевыми посредниками трансграничных отношений [3], однако в научном дискурсе сохраняется терминологическая неопределенность. Разрыв между стремительно развивающейся практикой цифровой занятости, стимулируемой в том числе снижением производительности и уровня жизни в отдельных регионах, и её теоретическим осмыслением обуславливает актуальность настоящего исследования. Отсутствие единой концептуальной рамки затрудняет как академический анализ феномена, так и разработку адекватных механизмов регулирования виртуальной трудовой мобильности.

Целью работы является теоретическая концептуализация феномена виртуальной миграции и выявление ключевых факторов трансформации глобальной трудовой мобильности в цифровую эпоху.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

- предложена авторская дефиниция виртуальной миграции, позволяющая отграничить данный феномен от смежных форм цифровой занятости;
- разработана интегративная трёхуровневая модель анализа (микро-, мезо- и макроуровни), систематизирующая драйверы и механизмы виртуальной миграции;
- выявлены каскадные эффекты данного феномена для функционирования мирового рынка труда, включая трансформацию международного разделения труда и возникновение институциональных парадоксов.

Предложенная концептуальная рамка интегрирует классические миграционные исследования с концепциями платформенной экономики, что позволяет комплексно оценить влияние цифровизации на глобальную трудовую мобильность.

Методология исследования

Настоящее исследование носит теоретико-обзорный характер и основано на системном анализе трансформации глобальной трудовой мобильности в цифровую эпоху. Методологическая база работы включает:

- систематический обзор источников (монографии, статьи в рецензируемых журналах, ключевые теоретические работы по миграционным исследованиям, платформенной экономике и цифровому труду);
- анализ вторичных данных на основе эмпирических показателей и аналитических выводов доклада Международной организации труда «World Employment and Social Outlook: Trends 2024», что позволило соотнести теоретические положения с актуальными

макроэкономическими трендами (например, дефицитом рабочих мест и динамикой реальных зарплат);

- сравнительный анализ концептуальных подходов, направленный на критическое сопоставление дефиниций трудовой мобильности и позволяющий четко дифференцировать виртуальную миграцию от смежных феноменов, таких как цифровое кочевничество и глобальный аутсорсинг;
- концептуальный синтез для построения авторской дефиниции и интегративной трёхуровневой модели (микро-мезо-макро) позволяющий объединить индивидуальные, технологические и структурные факторы в единую аналитическую рамку;
- дедуктивный метод анализа эффектов, ориентированный на выявление каскадных последствий цифровой мобильности для международного разделения труда и трансформации правового статуса современного работника.

Исследование ограничено фокусом на теоретической концептуализации, что закладывает основу для последующих количественных и качественных эмпирических исследований.

Результаты исследования и их обсуждение

Классические теории трудовой миграции, сформировавшиеся в русле неоклассической экономики и социологии, базируются на постулате о физическом перемещении работника как обязательном условии доступа к более эффективным рынкам занятости. Модели push-pull факторов традиционно фокусируются на макроэкономических диспаритетах, демографическом давлении и роли социальных сетей в принятии решения о релокации [4]. Теория новой экономики миграции расширяет этот анализ, представляя домохозяйство как коллективного субъекта, который минимизирует риски и диверсифицирует доходы путем делегирования членов семьи в иные юрисдикции [5]. Несмотря на высокую объяснительную способность в отношении традиционных миграционных потоков, данные подходы оказываются ограниченными при анализе процессов, в которых физическая релокация исключена, а трудовой ресурс мобилизуется трансгранично через цифровые интерфейсы.

Ключевая проблема классических парадигм заключается в их строгой привязке к территориальности: миграция здесь неизменно сопряжена со сменой места жительства и трансформацией правового статуса при пересечении государственных границ. Виртуальная миграция радикально деконструирует эту логику: индивид сохраняет территориальную стабильность при одновременной глубокой экономической интеграции в иностранную юрисдикцию. Это порождает специфический тип мобильности – агентную мобильность, медиированную технологиями [6].

Современные исследования платформенной экономики предоставляют необходимый инструментарий для анализа этого феномена, рассматривая цифровые платформы не просто как сервисы для мэтчинга спроса и предложения, но как новые институциональные рамки. Платформы формируют автономную среду управления трудом, включающую алгоритмический менеджмент, системы социального скоринга (рейтинги) и квазиправовые механизмы разрешения конфликтов [7]. Концепция платформенного суверенитета подчеркивает способность цифровых экосистем устанавливать собственные транснациональные нормы, которые фактически выходят за рамки национальных правовых полей, создавая пространство для труда без перемещения тел [8].

Гиговая экономика, выступая практическим воплощением этих процессов, акцентирует внимание на прекариатизации и фрагментации трудовых отношений. Работник трансформируется в независимого подрядчика, чья профессиональная траектория определяется алгоритмами распределения задач [9]. В этом контексте виртуальная миграция осмысливается как глобальная форма гиг-занятости, где геоарбитраж (использование разницы в стоимости жизни и оплаты труда) выступает главным механизмом монетизации человеческого капитала.

Теоретический фундамент этого сдвига заложен в работах З. Баумана, чья концепция жидкой современности описывает размывание пространственных якорей идентичности и занятости, предвосхищая виртуальную мобильность как высшую точку социальной флюидности [2]. Концепция mobility turn Дж. Урри окончательно выводит анализ за пределы физических перемещений, легитимизируя виртуальные и коммуникативные потоки как полноправные формы мобильности в сетевом обществе [10].

Таблица 1. Сравнение классических и цифровых парадигм трудовой мобильности

Аспект	Классические парадигмы (push-pull, новая экономика миграции)	Цифровые парадигмы (платформенная и гиговая экономика)
Основной механизм	Физическая релокация и изменение юрисдикции	Трансграничная интеграция через платформы без релокации
Ключевой актор	Индивид или домохозяйство	Платформа как квазиинститут и алгоритм
Природа труда	Зависимая занятость с фиксированным контрактом	Фрагментированная, прекариатизированная гиговая работа
Институциональная рамка	Национальное трудовое право и миграционные режимы	Платформенный суверенитет и транснациональные нормы
Основные риски	Социальная дезинтеграция, потеря сетей	Алгоритмическая зависимость, деплатформизация

Переход к цифровым парадигмам требует переосмысления вклада ведущих исследователей современности. Если классические теории фокусировались на перемещении тел, то современные подходы акцентируют внимание на медиации труда цифровыми интерфейсами.

Таблица 2. Теоретические подходы к мобильности в современности

Теоретик / Концепция	Ключевые идеи	Применимость к виртуальной миграции
З. Бауман (жидкая современность)	Флюидность социальных структур, разрыв пространственных якорей	Объясняет дестабилизацию территориальной привязки труда
Дж. Урри (mobility turn)	Множественные формы мобильности (физическая, виртуальная, иммажинативная)	Подчеркивает виртуальную мобильность как самостоятельный тип
М. Грэхам и др. (платформенная экономика)	Цифровые платформы как новая институциональная архитектура	Основание для анализа медиации и геоарбитража
Н. ван Дорн (платформизация труда)	Платформенный суверенитет и алгоритмический контроль	Объясняет транснациональную власть платформ

Эволюция понятийного аппарата тесно связана с технологическими трансформациями. В конце XX века концепция brain circulation А. Саксениан описывала циркуляцию специалистов через транснациональные сети, где физическая релокация сочеталась с поддержанием связей с родиной [11]. Это отличалось от классического brain drain (утечки мозгов), подчеркивая обмен знаниями, но сохраняло привязку к перемещению тел. С развитием телекоммуникаций в 1990-х годах возник термин telemigration (телемиграция), обозначающий удалённую работу в рамках корпоративного аутсорсинга [13]. Постпандемийный период характеризуется развитием концепции virtual migration, впервые систематизированной А. Анишем как «миграция без миграции» –

программирование глобализации через код и данные [14]. В русскоязычной литературе феномен часто интерпретируется как виртуализация трансграничной миграции с акцентом на алгоритмическую организацию и новые формы мобильности [15]. Англоязычные авторы (М. Грэхем, Н. ван Дорн) чаще критикуют неравенство и эксплуатацию [3, 8], в то время как русскоязычные работы подчёркивают потенциал для стран происхождения в условиях санкций и демографического кризиса [15].

На основе проведенного анализа эволюции концептуального аппарата предлагается следующая интегративная дефиниция. Виртуальная миграция – это осознанный, целенаправленный и относительно устойчивый процесс трансграничной трудовой интеграции индивида через цифровые платформы и удалённые технологии без физической релокации в страну трудоустройства, сопровождаемый перераспределением трудовых ресурсов, квалификации и человеческого капитала в цифровое пространство глобального рынка труда. Ключевые элементы включают интенциональность и устойчивость, отличающие феномен от эпизодической работы [3]; платформенную медиацию, где платформы выступают как квазиинституты [8]; сохранение юрисдикционной привязки, создающее парадокс присутствия [14]; а также трансформацию труда от зависимой занятости к виртуально локализованной с алгоритмическим контролем [15].

Данная дефиниция позволяет реализовать трёхуровневый анализ феномена. На микроуровне фиксируется индивидуализация и алгоритмический контроль, где возможности автономии сталкиваются с рисками уязвимости [16]. На мезоуровне проявляется платформенный суверенитет, предлагающий глобальный доступ ценой фрагментации отношений [8]. На макроуровне происходит реконфигурация международного разделения труда и геоарбитраж, что создает вызовы для национального права и налоговых систем [15]. Системный уровень характеризуется парадоксом присутствия и институциональным вакуумом, требующим новых форм регулирования в цифровом пространстве [14].

Виртуальная миграция требует чёткого отграничения от смежных форм трудовой мобильности для избежания концептуальной путаницы.

Таблица 3. Классификация форм трудовой мобильности в цифровую эпоху

Феномен	Физическая релокация	Платформенная медиация	Изменение юрисдикции	Основная мотивация	Ключевые риски / эффекты
Традиционная миграция	Обязательна	Отсутствует	Да	Экономическая необходимость, сети	Утечка мозгов, соц. интеграция [11]
Цифровое кочевничество	Часто (мультилокальность)	Присутствует	Варьируется	Lifestyle, качество жизни	Гентрификация, преходящность [12]
Аутсорсинг / Nearshoring	Отсутствует	Корпоративная	Нет	Стоимостная оптимизация	Зависимость от контрактов [7]
Телемиграция	Отсутствует	Корпоративная / огранич.	Нет	Аутсорсинг задач	Ограниченная агентность [13]
Виртуальная миграция	Отсутствует	Индивидуальная платформенная	Нет	Геоарбитраж, автономия	Алгоритмическая зависимость [14, 15]

Типологизация виртуальной миграции позволяет выявить глубокую гетерогенность этого феномена, который перестал быть монолитным процессом. По мотивационной основе выделяется экономически-инструментальная модель, ориентированная на максимизацию дохода через геоарбитраж в странах с диспаритетом заработных плат, и модель, ориентированная на образ жизни, предполагающая сохранение привычного социального окружения при использовании глобальных возможностей [3]. По продолжительности и интенсивности разграничиваются проектная миграция, характеризующаяся эпизодическими контрактами, и стратегическая миграция, предполагающая долгосрочную привязку к зарубежному работодателю [8]. По квалификационному критерию феномен делится на высокоспециализированный сегмент, включающий специалистов в области информационных технологий и консалтинга, и массовый сегмент, охватывающий выполнение микрозадач и контент-модерацию, где доминируют высокая конкуренция и прекариатизация [15]. Подобная дифференциация требует гибких институциональных ответов, учитывающих специфику каждой группы.

Для систематизации драйверов и механизмов виртуальной миграции как динамической системы предлагается трёхуровневый анализ, позволяющий проследить взаимодействие индивидуальной агентности с платформенными институтами и глобальными структурами [3, 8].

Синтез представленных теоретических подходов позволяет перейти к детальному системному анализу феномена, структурированному по трем иерархическим уровням.

На микроуровне виртуальная миграция определяется агентностью индивида, чьи решения мотивированы стремлением к автономии и использованию геоарбитража – возможности монетизировать разницу в оплате труда без физической релокации [14]. Актуальность этой стратегии подтверждается данными МОТ (2024) [1]: в условиях глобального кризиса стоимости жизни и инфляции, опережающей рост зарплат в большинстве стран G20, индивидуальный геоарбитраж становится ключевым инструментом сохранения покупательной способности. Важнейшим механизмом здесь выступает цифровой культурный интеллект – способность эффективно действовать в межкультурных виртуальных средах и адаптироваться к корпоративным культурам через асинхронную коммуникацию [12]. Традиционный социальный капитал замещается платформенной репутацией: рейтинги и история проектов становятся цифровым активом, определяющим доступ к рынку. Однако этот актив полностью зависим от алгоритмической оценки, что усиливает индивидуальную агентность в управлении карьерой, но одновременно создает высокую уязвимость перед риском деплатформизации. Микроуровень фиксирует переход от пассивного участия в рынке к активной стратегии самоуправления в условиях прекариатизации. Для значительной части работников такая мобильность является ответом на рост «рабочей бедности» (коснувшейся дополнительно 8,4 млн человек в 2023 г.), превращая цифровую занятость из опционального выбора в необходимый элемент экономической устойчивости домохозяйств.

Мезоуровень фокусируется на цифровых платформах как посредниках, формирующих экосистему миграции. Платформы выступают в роли квазиинститутов, генерируя собственные транснациональные нормы, системы верификации и механизмы разрешения споров [3]. Центральным драйвером здесь является платформенный суверенитет – способность экосистем диктовать правила игры, трансцендирующие национальные юрисдикции [8]. Процесс труда на этом уровне регулируется алгоритмическим управлением: машинное обучение оптимизирует мэтчинг и мониторинг, создавая систему невидимого контроля. Ключевым механизмом выступает фрагментация ответственности: классифицируя работников как независимых подрядчиков, платформы размывают традиционные трудовые отношения и минимизируют обязательства по социальной защите [7]. Таким образом, мезоуровень трансформирует виртуальную миграцию в децентрализованную, но жёстко контролируемую кодом систему.

На макроуровне драйверы обусловлены глобальными структурными диспаритетами. Согласно данным, МОТ (2024) [1], несмотря на стабилизацию глобальной безработицы, реальный дефицит рабочих мест (jobs gap) остается критическим и охватывает почти 435 млн человек, что формирует колоссальное давление на локальные рынки труда. Геоарбитраж выступает здесь системным механизмом экспорта трудового потенциала из периферийных стран без физического оттока населения [14]. В условиях, когда в большинстве стран G20 рост номинальных зарплат не компенсирует инфляцию, виртуальная миграция становится для работников вынужденной стратегией поддержания уровня жизни. Однако это порождает острые юрисдикционные парадоксы: разрыв между правовым полем проживания и экономическим полем занятости дестабилизирует национальное трудовое право и системы социального обеспечения [15]. Виртуальная миграция ведёт к трансформации государственного суверенитета: платформы и транснациональные корпорации эродировать контроль государства над рынком труда, создавая парагосударственные зоны в цифровом пространстве [8]. На макроуровне феномен проявляет свою амбивалентность: модифицируя классическую утечку мозгов в цифровой отток с элементами виртуального возврата капиталов, он одновременно углубляет глобальное неравенство и институциональный вакуум. Рост числа лиц, находящихся в состоянии умеренной рабочей бедности (на 8,4 млн человек в 2023 году), подчеркивает риск того, что без должного регулирования виртуальная миграция может лишь консервировать прекарный статус работника в глобальной цифровой иерархии.

Трёхуровневая модель представляет собой систему с развитыми механизмами обратной связи. Данные об индивидуальной агентности и репутации на микроуровне оптимизируют алгоритмы платформ на мезоуровне, которые, в свою очередь, влияют на макроэкономические показатели и государственную политику [3]. Каскадные эффекты проявляются в том, как индивидуальный геоарбитраж агрегируется в платформенный суверенитет, эродировать национальный контроль. Это стимулирует появление новых стратегий на микроуровне, включая мультиплатформенность, и непрерывную институциональную инновацию. В итоге виртуальная миграция предстаёт не линейным процессом, а сложной системой с множественными равновесиями, требующей глобальной гармонизации для минимизации социальных парадоксов и рисков фрагментации общества [8].

Виртуальная миграция генерирует каскадные эффекты, распространяющиеся от индивидуального уровня к глобальным структурам и радикально трансформирующие природу труда, географию талантов и институциональные рамки. Эти эффекты носят нелинейный характер: изменения на одном уровне провоцируют цепные реакции на других, усиливая амбивалентность феномена – одновременное создание новых возможностей и возникновение системных рисков [3, 8].

Каскадный эффект начинается с радикальной индивидуализации трудовых отношений. Виртуальная миграция разрушает классическую модель зависимой занятости, превращая работника в независимого подрядчика с прямым доступом к глобальному рынку через платформы [7]. С одной стороны, это расширяет профессиональную автономию, с другой – неизбежно ведёт к прекариатизации: потере социальных гарантий и коллективной защиты. Согласно выводам, МОТ (2024) [1], современные трудовые рынки демонстрируют высокую степень хрупкости: даже при росте занятости сохраняются системные дефициты достойного труда (decent work deficits), включая расширение неформального сектора и отсутствие социальной защиты. Платформы классифицируют отношения как взаимодействие между бизнесами, фактически выводя их из-под действия трудового права [9].

Центральным механизмом здесь становится алгоритмический контроль. Рейтинговые системы и мониторинг продуктивности формируют невидимую дисциплину, где работник подчиняется логике кода без прямого человеческого надзора. Это порождает новую форму зависимости – от платформенной репутации и алгоритмической видимости,

что усиливает психологическую уязвимость и риск внезапной деплатформизации. В итоге природа труда трансформируется из стабильной занятости в фрагментированную, гиперконкурентную среду. Такая трансформация коррелирует с зафиксированным в 2023 году ростом числа работающих бедных, для которых платформенная занятость становится единственным, но крайне нестабильным источником дохода, не обеспечивающим долгосрочной социальной устойчивости.

На глобальном уровне виртуальная миграция замещает модель географической близости стратегией децентрализованного доступа к компетенциям независимо от их локации [14]. Это размывает границы между традиционными центрами и периферией: развивающиеся рынки становятся поставщиками высококвалифицированного интеллектуального труда, экспортируя человеческий капитал в цифровой форме. География талантов приобретает сетевой характер. Формируются цифровые хабы, привязанные не к физической инфраструктуре, а к качеству цифрового соединения и институциональным стимулам. Однако каскадный эффект здесь проявляется в углублении цифрового неравенства: доступ к преимуществам виртуальной миграции напрямую зависит от локальной инфраструктуры и уровня навыков, что усиливает социальную стратификацию внутри самих стран-экспортёров труда [3].

Последствия виртуальной миграции для национальных экономик носят двойственный характер. Для стран происхождения традиционная утечка мозгов модифицируется в цифровой отток: специалисты остаются в стране физически, но их экономическая производительность полностью экспортируется, что снижает налоговые поступления [15]. Вместе с тем возникает эффект виртуального возврата – валютные доходы реинвестируются в локальную экономику через потребление и образование, сохраняя социальный капитал внутри страны. Для стран притяжения развитые экономики получают доступ к качественному труду по более низкой стоимости, что создаёт дефляционное давление на заработные платы в локальных высокотехнологичных секторах. При этом частичная релокация цифровых кочевников может провоцировать цифровую джентрификацию, вытесняя местное население за счёт роста цен на жильё и услуги [12].

Каскадные эффекты обнажают фундаментальный парадокс присутствия – одновременную принадлежность работника к разным юрисдикциям, что делает классические миграционные модели неэффективными [11, 14]. Возникающий институциональный вакуум проявляется в конфликтах двойного налогообложения, отсутствии механизмов международной социальной защиты и юрисдикционных спорах при нарушении условий контрактов [8]. Политика государств сталкивается с существенным сопротивлением: попытки регулирования часто оказываются неэффективными в силу трансграничной природы платформ, которые заполняют правовой вакуум собственными алгоритмическими нормами. Это ведёт к фрагментации глобального регулирования и требует создания качественно новых международных конвенций в области цифрового труда.

Таблица 4. Уровни анализа виртуальной миграции и их характеристики

Уровень анализа	Ключевые эффекты	Амбивалентность (возможности / риски)	Теоретические вызовы
Микро (индивидуальный)	Индивидуализация, прекариатизация, алгоритмический контроль	Автономия и доход / Уязвимость и зависимость	Расширение агентности за пределы физ. мобильности [16]
Мезо (платформенный)	Платформенный суверенитет, фрагментация отношений	Глобальный доступ / Эксплуатация и деплатформизация	Платформенная власть как новая институция [8]

Макро (государственный)	Реконфигурация разделения труда, геоарбитраж	Виртуальный возврат / Утечка налогов и гентрификация	Эрозия национального трудового права [15]
Системный (межуровневый)	Парадокс присутствия, институциональный вакуум	Эффективность рынка / Фрагментация регулирующего	Новые формы неравенства в цифровом пространстве [14]

Каскадные эффекты демонстрируют, что виртуальная миграция не просто дополняет традиционные формы, а радикально трансформирует глобальную трудовую мобильность, требуя нового теоретического и политического инструментария.

Заключение

Настоящее исследование представляет теоретическую концептуализацию виртуальной миграции как качественно нового феномена глобальной трудовой мобильности, возникающего в условиях цифровой трансформации экономики. На основе систематического анализа научной литературы и критического синтеза существующих подходов сформулирована авторская дефиниция, определяющая виртуальную миграцию как осознанный и относительно устойчивый процесс трансграничной трудовой интеграции через цифровые платформы без физической релокации. Предложенная дефиниция позволяет дифференцировать данный феномен от смежных явлений на основании четырёх ключевых критериев: интенциональности процесса, платформенной медиации, сохранения юрисдикционной привязки и трансформации природы труда.

Разработанная трёхуровневая аналитическая модель систематизирует драйверы виртуальной миграции на микроуровне индивидуальной агентности, мезоуровне платформенного суверенитета и макроуровне глобальных структурных диспаритетов.

Анализ каскадных эффектов показывает, как данный феномен трансформирует архитектуру мирового рынка труда через радикальную индивидуализацию отношений, реконфигурацию международного разделения труда и генерирование амбивалентных последствий для национальных экономик.

Теоретическая значимость исследования состоит в интеграции классических миграционных теорий с концепциями платформенной экономики и парадигмой «поворота к мобильности». Это создает междисциплинарную основу для анализа механизмов воспроизводства глобального неравенства в цифровом пространстве.

Практическая значимость работы обусловлена выявленными МОТ (2024) трендами: в условиях сохраняющегося дефицита рабочих мест и стагнации реальных доходов виртуальная миграция становится для работников ключевой стратегией экономической адаптации. Это обосновывает необходимость гармонизации международного регулирования и разработки правовых инструментов, адресующих институциональные парадоксы двойного налогообложения и социальной защиты виртуальных мигрантов.

Перспективы дальнейших исследований включают эмпирическую верификацию предложенной модели, компаративный анализ национальных регуляторных стратегий и изучение долгосрочных последствий «цифрового оттока умов» для развивающихся экономик.

Список источников

1. World Employment and Social Outlook: Trends 2024. – Geneva: International Labour Office, 2024. – 120 p.
2. Bauman, Z. Liquid Modernity / Z. Bauman. – Cambridge; Malden, MA: Polity Press, 2000. – 240 p.

3. Graham, M. Digital labour and development: impacts of global digital labour platforms and the gig economy on worker livelihoods / M. Graham, I. Hjorth, V. Lehdonvirta // *Transfer: European Review of Labour and Research*. – 2017. – Vol. 23, № 2. – P. 135–162. – DOI: 10.1177/1024258916687250.
4. Castles, S. The age of migration: International Population Movements in the Modern World / S. Castles, H. De Haas, M. J. Miller. – Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2013. – 401 p.
5. Stark, O. The new economics of labor migration / O. Stark, D. E. Bloom // *The American Economic Review*. – 1985. – Vol. 75, № 2. – P. 173–178.
6. Lehdonvirta, V. Flexibility in the gig economy: managing time on three online piecework platforms / V. Lehdonvirta // *New Technology, Work and Employment*. – 2018. – Vol. 33, № 1. – P. 13–29.
7. Woodcock, J. The Gig Economy: A Critical Introduction / J. Woodcock, M. Graham. – Wiley, 2019.
8. Van Doorn, N. Gig work as migrant work: the platformization of migration infrastructure / N. Van Doorn, D. Vijay // *Environment and Planning A: Economy and Space*. – 2021. – DOI: 10.1177/0308518X211065049.
9. De Stefano, V. The rise of the just-in-time workforce: on-demand work, crowdwork, and labour protection in the gig-economy / V. De Stefano // *Comparative Labor Law & Policy Journal*. – 2015. – Vol. 37. – P. 471–504.
10. Urry, J. *Mobilities* / J. Urry. – Oxford: Polity Press, 2007. – 336 p.
11. Saxenian, A. The New Argonauts: Regional Advantage in a Global Economy / A. Saxenian. – Harvard University Press, 2006. – DOI: 10.2307/j.ctv1dp0ttd.
12. Prester, J. Becoming a Digital Nomad: Identity Emergence in the Flow of Practice / J. Prester, D. Cecez-Kecmanovic, D. Schlagwein // *Conference Paper*. – 2019.
13. Baldwin, R. The Globotics Upheaval: Globalization, Robotics, and the Future of Work / R. Baldwin. – Oxford: Oxford University Press, 2019. – 279 p.
14. Matloff, N. A. Virtual Migration: The Programming of Globalization / N. A. Matloff, A. Aneesh // *Journal of International Migration and Integration*. – 2008. – Vol. 9. – P. 425–427. – DOI: 10.1007/s12134-008-0074-8.
15. Цапенко, И. П. Виртуализация трансграничной трудовой миграции / И. П. Цапенко, И. В. Гришин // *Вестник Российской академии наук*. – 2022. – Т. 92, № 9. – С. 849–859. – DOI: 10.31857/S0869587322090109.

Сведения об авторе

Сурина Елена Алексеевна, старший преподаватель кафедры экономической теории ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева»; г. Астрахань, Россия
<https://orcid.org/0009-0009-7151-6227>

Information about the author

Surina Elena Alekseevna, Senior Lecturer, Department of Economic Theory, Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev; Astrakhan, Russia
<https://orcid.org/0009-0009-7151-6227>